

18+

Танюша Логинова

Веретено

Танюша Логинова

Веретено

«Издательские решения»

Логинова Т.

Веретено / Т. Логинова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Три женщины. Три эпохи. Одно веретено, прядущее нить рода. От крестьянской воли до блокадного хлеба, от блокадного хлеба до грязного подъезда и пакетика с дурью. Когда связь времен рвется, а память умирает, остаётся лишь один способ спастись — начать говорить. Содержит сцены употребления наркотических средств, а также сцены сексуального характера. Издание предназначено для лиц старше 18 лет. Книга содержит нецензурную брань.

© Логинова Т.

© Издательские решения

Содержание

Пролог «Та, что прядет»	6
Глава 1. Фекла / «Воля»	7
Глава 2. Анна / «Хлеб»	8
Глава 3. Вика / «Веселье»	10
Глава 4. Фекла / «Венчание»	11
Глава 5. Анна / «Завод»	12
Глава 6. Вика / «Суббота»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Веретено

Танюша Логинова

© Танюша Логинова, 2026

ISBN 978-5-0070-6650-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог «Та, что прядет»

Полная темнота.

Она давит. Слишком тихо. Так тихо, что начинают звенеть перепонки, и в этом звоне рождается страх: а есть ли вообще что-то за пределами этой черноты?

Запах. Первое, что пробивается сквозь вату безмолвия. Сырая земля. Прелая листва.

Тьма не становится светлее, но глаза привыкают — и где-то на грани зрения начинает угадываться движение. Или не движение? Или просто мерещится?

Вум.

Звук приходит отовсюду сразу. Низкий. Древесный. Древний.

Вум-вум.

Он входит в ритм с сердцем. Или сердце подстраивается под него.

Вум-вум-вум.

Тьма расступается.

Старуха сидит на замшелом пне. Вокруг — туман. Густой, молочный, он стелется по земле, лижет корни деревьев, прячет горизонт. Не понять: ночь сейчас или ранний рассвет? Времени нет. Здесь его никогда не было.

Она не ведьма. Не колдунья. Она — Та, что прядет. Та, что была до богов и останется после.

В руках у нее веретено. Длинное, темное, будто выточенное из ночи.

С веретена свисают в пустоту три нити.

Первая — грубая, льняная, серая, как дорожная пыль. Она почти истончилась, волокна разлохмачены, вот-вот порвется. Дунет ветер — и ее не станет.

Вторая — прозрачная, как леска, как застывший воздух. От нее веет таким холодом, что иней выступает на рукавах старухи. Нить звенит, вибрирует, поет тонко и жалобно — будто сама по себе, без ветра.

Третьей нити не видно. Но по ней, время от времени, пробегают искры. Красные, быстрые, чужие здесь, в этом лесу, в этом тумане.

Старуха смотрит на них. Долго. Потом поднимает глаза — туда, где за туманом угадывается что-то еще, что-то живое.

Голос у нее не злой. Усталый.

— Три вас, — говорит она в тишину. — Одна кровь. Одна доля. А нити — разные.

Пауза. Туман сгущается. Нить звенит громче.

Веретено крутится в ее пальцах еще мгновение. Вум-вум-вум.

А потом тьма возвращается.

Глава 1. Фекла / «Воля»

В церкви надышали так, что пар от мужиков валил, как из лошадиных ноздрей на морозе. Воздух стоял тяжёлый, пахло квашеной капустой, овчиной и горячим воском, иконы в золотых окладах запотели и блестели слезливо. Феклу стиснули с боков так, что не вздохнуть, в спину упирался чей-то костистый локоть, а в затылок дышали часто и хрипло. Дьячок на клиросе оглашал манифест — голос у него был тонкий, срывающийся, слова бились под сводами, чуждые, непонятные, будто не по-людски сказанные: «даровать», «полагается», «выкупа». Смысл ускользал, оставался только гул.

Бабы всхлипывали, утирались концами платков, мокрых от слёз и пота. Мужики крестились истово, с размаху, припечатывая лоб и грудь, так что удары ладоней были слышны даже сквозь гомон.

Фекла стояла у самой двери, где из щелей в полу тянуло таким ледяным сквозняком, что ноги, обутые в чуньки, стыли. Она не слушала. Она через толпу, через чужие взмокшие спины, затылки в шапках, чьи-то вздернутые в кресте локти, нашла глазами Петра. Тот стоял у правого клироса, высокий, светлобровый, в новой холщовой рубаше. И будто жилка какая меж ними натянулась — обернулся, поймал её взгляд. Улыбнулся широко, дурашливо, кивнул: мол, слышь, чего деется-то? А после почти беззвучно шепнул: «Теперь вольные, Фекла. Жениться можно».

Жаром обдало шею, грудь под тяжёлым суконным сарафаном. Щеки занялись алым, будто она не в духоте церковной стояла, а с морозу в жарко натопленную избу вошла. Она потупилась, повела взглядом в сторону, тёмный угол за иконой Божьей Матери обшарила, чтоб унять сердцебиение.

И там увидела старуху.

Чёрную всю, с головы до пят. Лицо — восковое, без кровинки, руки под грудью сложены, как у покойницы. Глаза глядели на Феклу неотрывно, углями горели. Не молилась, не крестилась, не шевелилась вовсе. Только голову чуть наклонила, будто диковинку разглядывала. Зрачки у старухи были без белка, сплошь чёрные, жгучие.

Озноб продрал от поясницы до затылка, хотя в церкви было жарко. Руки, только что горячие, враз похолодели, пальцы занемели, не сгибаются. Пахнуло откуда-то не ладаном, а сырой землёй и тленом. Она, не чуя себя, ухватила сестру Степаниду за рукав, дёрнула, зашептала в ухо горячо, сбивчиво:

— Глянь, Стеша, Христом Богом прошу, глянь в угол-то, бабка в чёрном чья будет? Вон там, за иконой-то...

Сестра нехотя обернулась, сощурилась, вглядываясь в тёмный угол, где теплилась одна лампада. Посмотрела на пустое место перед иконой. Перевела взгляд на Феклу, и лицо у неё стало испуганно-удивлённое:

— Господь с тобой, Феклуша. Нет никого. Тебе с духоты, что ли, померещилось? Или угар от кадил? Вон, бабы который раз в обморок падают.

Фекла зажмурилась крепко, до боли, до цветных кругов перед глазами. Открыла — угол пустой. Только лампада масляная теплится красноватым огоньком. Дрожь мелкая пошла по телу, от коленок до самого горла. А ощущение взгляда на спине осталось. Будто кто меж лопаток сверлит неотрывно, холодным сверлом. Она переступила с ноги на ногу, поплотнее запахнула полушубок, втянула голову в плечи. Холод под сердцем так и не уходил, прирос, и Петрова улыбка, ещё минуту назад так сильно её обжегшая, теперь казалась далёкой, будто в тумане.

Глава 2. Анна / «Хлеб»

Тридцать градусов. Может, больше. Термометра нет. Ресницы слипаются, скрипят при моргании.

Очередь. От булочной до угла дома и дальше, вдоль Седьмой линии. Стоят плотно, чтобы ветер не продувал. Молчат. Кто не молчит — тот кашляет. Кашель сухой, с хрипом, будто нутро выворачивает. Перед Анной женщина в пальто с чужого плеча. Рукав обгоревший. Держится за стену. Дышит редко.

Впереди мужик осел на снег. Сначала на колени, потом лицом вниз. Никто не оглянулся. Только бабка сзади прошамкала: «Готов». И всё.

Анна считает. Семь человек. Шесть. Пять. Глаза темнеют, приходится моргать часто-часто, чтобы не упасть. Ног нет. Совсем. Валенки не чувствует, нога внутри — будто чужая, деревянная.

Немцы в Шлиссельбурге. Дороги нет. Ладога — подо льдом. Скоро, говорят, откроют. Скоро.

Булочная. Внутри пахнет мышами и сыростью. Хлеб не пахнет. Вообще.

Продавщица — щеки ввалились, глаза злые — отрезает дрожащей рукой. Сто двадцать пять. Норма. Кусочек на ладони — черный, липкий, в мякине. Анна держит его раскрытой ладонью, не сжимает пальцы, чтобы не раскрошить. Смотрит. Миг. Прячет за пазуху, под ватник, под платок, к самому телу. Там тепло. Кажется, что тепло.

Надо идти. Племянница. Третий год. Одна в комнате на Лиговке.

Идет. Ветер прошивает ватник, прошивает платок, прошивает кожу. Останавливаться нельзя. Остановишься — сядешь. Сядешь — не встанешь. Ноги переставлять. Левую. Правую. Левую.

У подъезда на тумбочке женщина. Сидит удобно, откинулась на стену, голова запрокинута. Рот открыт, будто хочет сказать что-то. Снег в волосах, на ресницах, на губах. В руках бидон. Зжат в пальцах, мертвой хваткой, судорогой. Анна проходит мимо. Потом останавливается. Возвращается.

Бидон. Свой вчера разбился, поскользнулась на набережной. Вода пролилась, бидон вдребезги. Пальцы помнят тот звон. Сейчас без бидона — не согреть, не напоить девчонку.

Смотрит на лицо. Молодая. Лет двадцать пять. Красивая даже сейчас, даже синяя, даже с этим снегом во рту.

Секунда.

Наклоняется. Пальцы примерзли к металлу намертво. Тянет — не поддается. Тогда с силой дергает за руку — и слышит не хруст, а тихий, рвущийся звук отделяющейся ото льда кожи. Бидон выскальзывает, падает в снег, звенит глухо. Анна поднимает, прижимает к груди. Тяжелый, холодный, через ватник холод пробирает сразу, до костей.

Говорит вслух. Голос сиплый, чужой:

— Прости, родимая. Там дите ждет.

Уходит быстро. На углу останавливается, хватая ртом воздух. В ушах звенит. Спину ломит так, будто мешки таскала. Идти надо.

В комнате темно. Окна заклеены крест-накрест, всё равно дует. Буржуйка еле теплая, внутри синий огонек, почти невидимый. Дрова — книги, стул, всё, что горит.

Девочка на кровати, в куче тряпья. Глаза открыты, смотрят в потолок, не моргают. Лицо серое, скулы острые, кожа натянута. Глаза большие. Не детские.

Анна колет щепку от табуретки. Разжигает. Ждет, пока займется. Руки трясутся. Снег в бидон — в тот, чужой — на печку, ждать, пока растает. Долго. Вечность.

Вода закипает. Крошит туда хлеб. Размешивает. Поит с ложки.

Девочка глотает жадно. Обжигается, дергается, но не плачет. Глаза закрывает. Глотает. Еще. Ложка стучит о зубы. Еще.

Засыпает сразу. На середине ложки, рот открыт, дышит редко, поверхностно.

Ночь. Коптилка. Фитиль из бинта, масла мало, свет тусклый, оранжевый, пляшет. Анна ложится рядом, подгребает под себя тряпки. Прижимается к девочке — та горячая, слишком горячая, жар. Спина к спине, чтобы тепло не уходило. Закрывает глаза.

Голод сосет под ложечкой. Сосет, крутит, сводит желудок пустыми спазмами. Привычно.

Мысли путаются, рвутся, как нитка.

Провал.

Снится снег. Белый. Чистый. Глубокий. Она сидит в сугробе, по пояс, и не может встать. Ноги не слушаются, руки примерзли к коленям. Холодно. Не страшно — спокойно. Тишина. Белый свет.

Рядом стоит женщина. Та, с бидоном. Только лицо другое — старое, сморщенное, губы в нитку, как печеное яблоко. В руках веретено. Тонкое, длинное, костяное. Прядет. Из пустоты тянется нить, серая, мышьяная. Уходит в небо, в белую муть.

Женщина смотрит на Анну. Молча. Качает головой.

Нить рвется.

Анна просыпается. Темно. Коптилка погасла. Девочка рядом дышит, не шевелится. В ушах звон. Тишина. Сосущая пустота под ребрами.

Вставать не хочется. Надо вставать. Утром опять за хлебом.

Глава 3. Вика / «Веселье»

Вика проснулась от того, что сериал сам переключился на следующую серию. Телефон показывал 14:30, среда. Она лежала в кровати второй день, если не считать походов до туалета и обратно. Ноутбук грел живот, зарядка еле дотягивалась от розетки до подушки. На экране очередные разборки, она смотрела в одну точку, не вникая. Желудок скрутило. Лень даже встать и сварить пельмени. Потянулась к телефону, открыла доставку, ткнула в первую попавшуюся пиццу. Оплата при получении. Телефон запиликал, на экране «Бабушка». Сбросила. Отложила телефон, уставилась в потолок. Минута. Две. Три. Снова взяла телефон, набрала бабушку. Та ответила сразу.

— Ба, привет, — сказала ровно. — Занята была, извини.

Голос в динамике скрипел, как несмазанная телега.

— Когда приедешь-то, Вика? Я уже и не жду, а ты звонишь.

— В выходные, ба, — Вика смотрела на пыльный подоконник. Там стояла кружка с засохшим кофе. — Обещаю.

— Какие выходные? Ты уже месяц обещаешь. Месяц, Вика. Я не железная.

— Ну в эти. Точно.

Бабушка вздохнула так, что динамик захрипел.

— Ладно. Жду.

Вика кинула трубку.

Вечером вылезла из дома. Пошла к подруге.

У Ленки накурено так, что глаза слезятся с порога. Квартира на Лиговке, коммуналка, но подруге повезло: комната большая, метров двадцать, и соседи глухие. На полу окурки, чьи-то ботинки, пустые бутылки выстроились вдоль стены. Вика берет стакан, наливает себе вина из горла, пьет стоя, прислонившись к подоконнику. Лена где-то в толпе, слышен ее смех, визгливый, пьяный.

Всё как всегда.

Вика пьет быстро, почти не чувствуя вкуса. Водка обжигает горло, но внутри, под ребрами, по-прежнему пусто. Она смотрит на лица вокруг — они сливаются в одно пятно, мелькают, смеются, говорят о чем-то громко и бессмысленно. Ей кажется, что она здесь лишняя. Что она смотрит на всё это сквозь стекло.

И в этой мути, вдруг, откуда-то издалека, прорезалось: «Внучка, что же ты творишь?»

Бабушкин голос. Тихий, ворчливый. Вика вздрогнула, замерла. Сквозь дурноту ударило острым, тоскливым стыдом. Она попыталась зацепиться за это чувство, удержаться, собраться с мыслями, чтобы вынырнуть из этого состояния, — но тело не слушалось.

— Заткнись, — прошептала она одними губами. — Я сама решаю.

Но голос внутри уже не ответил. Вместо него была только тошнота и пустота. Ноги заплетались, мир плыл. Она пошла танцевать, пытаясь доказать самой себе, что «весело», что «так надо», что она контролирует всё. Лена смеялась где-то рядом, но смех этот был чужим, пьяным, жутким.

Глава 4. Фекла / «Венчание»

Гуляли всей деревней. Столы сдвинули, накрыли рядниной и холстом, кто что принес: пироги, соленые рыжики, крынка сметаны. Ели-пили чем бог послал: самогон лился рекой, брага пенилась в деревянных ковшах, мужики уже скинули зипуны и сидели в одних рубахах, красивые, счастливые.

Петр ходил меж столов, колобродил, наливал самогон щедро, через край, обнимал всех подряд — мужиков, баб, даже чужих ребятишек, что вертелись под ногами. Был он счастливый, пьяный, красный, как жар, глаза блестели масляно, рубаха на груди расстегнута, волосы светлые прилипли ко лбу. Шум стоял — уши закладывало.

Фекла сидела на лавке, под божницей, в новом синем сарафане с красной оторочкой. Сарафан был тяжелый, стоял колом, пахло от него сундуком, лавандой и еще чем-то праздничным. Щеки у Феклы горели так, будто она весь день у печи простояла, глаза блестели, а руки теребили край платка. Бабы подходили, поздравляли, щупали подол цепкими пальцами: «Доброе приданое, Фекла, доброе». А она только кивала, улыбалась, а сама глазами искала Петра. Найдет — и сердце ухнет, и опять потупится.

Душно стало. До тошноты, до звона в ушах. От печного жара, от тесноты, от самогонного перегара, который уже пропитал все: стены, потолок, одежду. Фекла поднялась, перешагнула через чьи-то ноги, выскользнула за дверь, на крыльцо.

Ночь стояла — глаз выколи, и звездно, и морозно. Тишина ударила по ушам после гула, снег под ногами скрипнул сочно, с хрустом. Воздух — глотнуть не надышаться, колкий, сладкий, ледяной, до боли в груди. Она присела на перильце, прижала ладони к горящим щекам, перевела дух. Хорошо-то как, Господи...

И тут увидела...

На завалинке, у самого угла, где снег лежал сугробом, сидела старуха. Та самая. Сидела спокойно, будто век тут провела. В руках у нее была кудель — серая мычка льняная, и веретено жужжало. Тонко, ровно, как комар над ухом. Жужжало и крутилось, нитка тянулась серая, длинная, бесконечная, ложилась на снег кольцами.

Фекла сглотнула. Во рту пересохло враз. Поднялась с перильца, шагнула ближе — ноги ватные, чужие. Голос свой не узнала, тонкий, как у девчонки:

— Ты чья, бабка? С чьей стороны будешь? С Петровой али с моей?

Старуха подняла глаза. Медленно, тяжело. Черные, как проруби в реке, без дна. Лицо белое, восковое, на морозе не розовеет. И улыбнулась — одними губами, без тепла.

— Твоя, касатка. Я всегда с вами, с бабами. — Веретено крутнулось быстрее. — Сужу-пряду. Скоро моя работа пригодится.

Кожа на спине стянулась, будто примерзая к рубахе. Волосы под платком зашевелились. Фекла попятилась, рукой за косяк схватилась, за ледяное дерево, чтоб не упасть.

— Чего тебе надо? — выдохнула чуть слышно.

Старуха голову наклонила, будто прикидывала что-то в своем темном уме. Потом махнула рукой — легонько, небрежно:

— Пожужу пока. Иди, гуляй. — Веретено жужжало громче, настойчивей. — Нитка твоя еще не спрядена до конца. Иди.

Фекла вбежала в избу, не чуя под собой ног. Кинулась к Петру, прижалась к нему, лицом в его грудь уткнулась, в горячую, пропахшую самогоном и потом. Он обнял ее, что-то зашептал пьяное, ласковое, рукой по голове гладил.

А дрожь все не проходила. И спина чуяла, и затылок чуял: там, за дверью, на морозе, жужжит веретено. Жужжит и крутится, и нитка серая тянется. Ее нитка. Ее жизнь.

Глава 5. Анна / «Завод»

Станок. Чугунный, холодный, в масле. Руки к нему примерзают, хоть в рукавицах. Анна стоит уже который час. Шестнадцатый, восемнадцатый — счет потеряла. Темно. Только синие лампы горят в пролетах, затемнение. Гул стоит: станки, моторы, люди кашляют.

Надо точить гильзы. Надо стоять.

В глазах темнеет. Анна хватается за станок, чтоб не упасть. Перед глазами плывет. Ноги ватные. Звон в ушах — высокий, тонкий. Она сжимает веки, трясет головой. Нельзя. Надо стоять.

Падает. Просто оседает вниз, на бетонный пол. Колени — об пол, локти — об станок. Больно.

Она смотрит вверх. В пролет крыши, где выбито стекло, где валит снег. Снег сыплется медленно, крупными хлопьями. И там, в этой белой вьюге, стоит фигура. Старуха. Черная, как головешка. Тянет к ней руку. Вокруг старухи снег вьется, как кудель, как нить. Тянется к Анне.

Холод. Не тот, что в цехе, а другой, внутренний, смертный.

Нельзя.

Маша. Дома одна. Ждет. Если я лягу здесь — она там одна останется. Совсем одна.

Вставай.

— Аня! Аня, ты чего?!

Запах резкий, химозный. Нашатырь. Анна открывает глаза. Кашляет, давится, слезы текут. Над ней лица — размытые, серые. Женщина держит склянку, сует под нос опять.

— Вставай, Аня, застудишься. Вставай, милая, нельзя лежать.

Анна поднимается. Ноги трясутся. Держится за станок. Смотрит вверх, на крышу. Там только снег валит в пролом. И темнота. Никого.

— Привидится же, — сказал кто-то. — С голодухи все мерещится.

Анна кивает. Вытирает слезы рукавом. Берется за рычаг.

Маша ждет. Я нужна.

Надо.

Глава 6. Вика / «Суббота»

Она не помнила, как снова оказалась на Лиговке. Ленка строчила в ватсапе: «Мы тут, давай быстрее, тут Макс с пацанами, гуляем!» Вика смотрела на экран, и вдруг внутри, под рёбрами, что-то дернулось. Не толчок — разряд, как от оголенного провода. Злость. Горячая, липкая злость на саму себя, на пустую квартиру.

Вика взяла стакан, налила вина из горла, выпила залпом, даже не почувствовав вкуса. Макс, здоровый детина с тупыми глазами и татуировкой «БМВ» на шее, тёрся рядом, дышал в ухо перегаром. Ленка с кем-то целовалась в углу.

— Слышь, Вик, пойдём покурим, — Макс положил тяжёлую ладонь ей на плечо.

Вика стряхнула его руку, даже не повернув головы. Смотрела в стену, на пятно на обоях. Просто смотрела.

Макс усмехнулся, отошёл.

Через час Вика вышла на лестницу. Села на подоконник, достала сигарету. Руки немного тряслись, но в груди было пусто — привычная, выжженная пустота. Лучше, чем злость. Злость в этой пустоте тонула, как камень в болоте.

Дверь подъезда на первом этаже хлопнула, потом ещё раз. Голоса. Женский — сдавленный, испуганный. Мужской — пьяный, наглый. Вика не вслушивалась, смотрела на огонёк сигареты. Голоса стали громче. Женский всхлипнул, возня, глухой удар.

Вика замерла.

Внутри что-то включилось.

Она не думала: «надо пойти помочь». Это был не выбор. Это был инстинкт, древний, — рывок мышц раньше, чем мозг успел скомандовать. Спрыгнула с подоконника и через две ступеньки полетела вниз, туда, откуда звуки борьбы.

На площадке между вторым и первым он прижимал её к стене. Девчонка, почти ребёнок, кофта разорвана. Он зажимал ей рот ладонью и шарил свободной рукой по джинсам, пытаясь расстегнуть пуговицу.

— Тихо, дура, тихо, — сипел, упираясь в неё всем телом.

Вика не узнала свой голос. Он вырвался из горла не криком — рыком. Низким, звериным.

— Руки убрал, мразь!

Парень дёрнулся, обернулся. Лицо перекошено, глаза мутные. Он был крупный. Но Вика уже не контролировала себя.

— А ты ещё кто... — начал он, шагнув к ней.

Вика не дала договорить. Вцепилась в волосы, рванула на себя, одновременно врезав коленом в пах. Он взвыл, согнулся, но она не отпустила. Внутри горел огонь. Холодный, страшный, торжествующий. Сила.

Вика ударила ещё раз, наотмашь, по лицу. Потом ещё, и ещё, пока он не осел на грязный пол, прикрывая голову руками и скуля, как побитая собака.

— Беги! — крикнула девчонке, не оборачиваясь.

Девушка метнулась вниз, грохнула дверью. Тишина. Только тяжёлое дыхание Вики, которая стояла над упавшим парнем и смотрела на свои руки. Они дрожали. Но от переизбытка силы, от адреналина, от дикого, первобытного восторга.

— Ты... ты психованная, — прохрипел он, поднимаясь и отползая к стене. — Больная.

Вика отступила на шаг. Потом ещё на один. Повернулась и медленно пошла вверх по лестнице.

На лестнице, в темноте, остановилась. Трясло. Но не от страха. Горело, пульсировало, требовало выхода. И она дала ему выход. Она защитила. Она была сильной.

Прислонилась к стене и улыбнулась в темноту. Торжествующе. Почти счастливо. Я могу. Я не пустое место.

В этот момент дверь Ленкиной квартиры распахнулась, и оттуда вывалила компания. Макс, Тоха, ещё двое. Возбуждённые, глаза блестят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.